

Ксюша Иванова

Ангел снимает кино

«Литнет»

2021

Иванова К.

Ангел снимает кино / К. Иванова — «Литнет», 2021

Забудь его и дыши! А без него разве можно дышать? А без него разве можно жить? А какие у тебя варианты? Твоя малышка, его дочка, хочет есть, играть, смеяться... И никто, кроме тебя, не даст ей всего, что нужно детям от матери. Поэтому нужно улыбаться и жить! Он и не знает... Он и не вспомнит никогда! ...- Алло, Ангелина Смирнова? – его голос в трубке заставляет уронить на ногу пакет с продуктами. - Ох... - Это да или нет? – бархатный смех в телефоне. - Скорее да, но я не уверена, - ляпаю откровенную глупость я. - Ангел, я новое кино снимаю. Мне позарез нужен классный гример. Без тебя просто вешалка! Соглашайся! Обещаю, будет интересно...

© Иванова К., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

1 глава.	5
2 глава	8
3 глава	12
4 глава	16
5 глава	20
6 глава	23
7 глава	26
8 глава	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1 глава.

Ангелина

- Ненавижу!!!! Нена-а-авижу-у-у! – из последних сил тужилась я, умирая от разрывающей тело боли.

- Ничего-ничего, деточка. Немного уже осталось. Так все говорят, а потом всё забывается, и снова приходят. За вторым, третьим, четвертым...

- Да ни за что! Ни за-а-а что! Ни к одному мужику больше не подойду! Ненавижу их! Ненавижу его! Ненавижу-у! – казалось, когда я кричу, особенно, когда кричу именно это, конкретное слово, мне легче, не так сжимается внизу живота пружина сильнейшей боли или, во всяком случае, откуда-то берутся силы ее терпеть! И я очень старалась, прямо-таки по буквам его выплевывала. – Не-на-ви-жу-у-у!

- Во-от, - ласково проговорила пожилая очень упитанная женщина-акушерка, копошась у меня между широко расставленных ног. – Молодец! Правильно! Толкай его! Тужься сильнее, но по моей команде!

Краем глаз я, конечно, замечала, как готовится принимать ребенка девушка-неонатолог, а врач-акушер возится с какими-то страшными железными штуками возле специального маленького столика, расположенного по правую сторону от родильного кресла. Раз они все в сборе, ЭТО скоро закончится! Скорее бы!

- Как тебя?

- Что?

- Зовут тебя как? – спросила женщина, ласково погладив затянутой в синюю перчатку ладонью мою голую коленку.

- Ангелина.

- Давай, Линочка, на счет три, толкаешь его изо всех сил. Раз! Два! Три!

На счет три у меня потемнело в глазах, заложило уши и, кажется, внутри тела произошел атомный взрыв. Во всяком случае, боль была примерно в таких масштабах. Зажмурившись, я сосредоточилась на том, чтобы толкать, как учила медсестра, напряглась изо всех сил и... Услышала тоненький писк.

И стало, на самом деле, легче! Да, еще болело все тело, да, еще судорожно сжимался от боли низ живота, да, дрожали руки, цепляющиеся за кресло, но организм уже почувствовал нереальное облегчение, какое бывает, когда заканчивается что-то страшное, что-то пугающее, когда все уже позади...

- Девочка у вас, - радостно проговорила неонатолог. – Хорошенькая, здоровенькая, 9 из 10 по Апгар. Подержите, мамочка?

...Тепленькая. Маленькая. Красненькая. Носик-пуговичка. Пушок темненький на голове. Такого же оттенка, как его волосы... Как волосы того, кто никогда не узнает, что только что, вот сейчас, в эту минуту, стал отцом.

- Ну, что же вы плачете, мамочка? Так ругались замечательно, а теперь плачете? Всё же хорошо! Все просто замечательно! Давайте попробуем к груди ее приложить на минуточку. Просто чтобы почувствовала ваша малышка, что мама рядом. А потом я ее ненадолго заберу на осмотр и в палату к вам через часок доставлю уже чистенькую и одетую.

Полгода спустя. Богдан

- Напоминаю, господа... и дамам напоминаю особенно, что съемки начинаются уже в понедельник! В понедельник, Вероника... Сергеевна! Не в четверг, не в пятницу и даже не во вторник! В понедельник жду вас во втором павильоне и начнем прямо вот с первой сцены!

- Вы ж обещали, что мы будем сниматься в старинном замке! Что мы три месяца там жить будем! – заныла Вероника, бросая на меня яростные взгляды.

Да, она, конечно, хотела сразу в замок! Но ведь за него платить нужно – аренда там, перевозка реквизита, аппаратуры, еда опять же! А мне сэкономить нужно было позарез! Та-а-ак, я ж перекличку сделать забыл! Все собрались или опять кто-то решил проигнорить приказа режиссера!

- Ну-ка, Семенова, проверь по списку, все ли пришли сегодня. А вы, господа... и дамы, особенно дамы, не спешите расходиться – Семенова готовит списки для аванса. Кому аванс нужен в понедельник, не уходим, не отметившись!

- Арзамасов! – начала Семенова.

- Совсем, да, Семенова? – недовольно отозвался наш великий актер, светило больших и малых, Станиславский... отдыхает, когда Арзамасов на сцене! – Не заметила меня, что ли?

Да тебя, Арзамасов, хрен не заметишь! Глянь, нимб как сияет!

Я внимательно рассматривал толпу, то есть труппу. Взгляд искал ту девочку... гримершу новенькую. Ну, как новенькую? Прошлый сезон она с нами в первый раз отработала. Нет ее сегодня, что ли? Как ее фамилия? Какая-то простая такая... Забыл! За почти полтора года, что прошли после последних съемок, пока готовился к проекту, пока деньги выбивал, пока женился, совсем вылетела из головы эта девчонка. Но вот сейчас вспомнилось вдруг...

А вспомнилась-то чего... Ну, если по-честному, Потемкин? Если по-честному, так достало все, так не хватает ее чистого обожания, ее восхищенного взгляда. А ведь хотел за ней приударить, да свадьба эта, да она еще такая... чистая такая, неиспорченная. Поцеловать даже не решился, не то что приударить... Кому скажи, не поверит же никто!

А в ту ночь, в последнюю, когда вся команда нажралась вдрызг, когда я набрался смелости, а точнее, наглости и бесстрашия, и решил все-таки к ней подкатить, в гримерке девочку целовал Арзамасов. Я тогда расстроился, упился до беспамятства и пошел к Веронике... Кажется, к Веронике. Впрочем, она почему-то так и не призналась, что в ту ночь была именно со мной.

Помотал головой из стороны в сторону – забыть, как страшный сон. Недельку от той пьянки отходил. Все! Больше не пью совсем!

А новая актрисулька, кстати, ничего так. Симпатичная, улыбается так заманчиво... Подкатить, что ли? Но взгляд с какой-то необъяснимой тоской, переползал с лица на лицо, все еще надеясь отыскать длинноволосого зеленоглазого Ангела, который так восхищался мною тогда... Надо будет спросить у Семеновой...

... - Как ушла в декрет? А с кем? Точнее, от кого? Замуж вышла? – я ошалело смотрел на Ядвигу Семенову, мою помощницу, всегда и все знающую о каждом человеке из моей команды.

Почему-то вспомнились последние съемки, проходившие в деревне. Мы с Ангелом каждый вечер случайно встречались – то в магазине деревенском, то на речке, то ягоды собирали на окраине леса... опять же случайно. Разговаривали. Ничего она о женихе не говорила тогда. Впрочем, полтора года прошло – мало ли кого могла успеть встретить! Я же успел жениться... Ну, как же так? Такая девочка милая была...

Вот именно, Потемкин! Она, Линочка эта, была (да и есть, наверное) милая скромная девочка, к которой даже ты, известный повеса и бабник, не посмел протянуть свои грязные ручки! А какой-то нормальный парень нашелся и прибрал к рукам эту прелесть. Всё! Выбросить из головы! И забыть...

И какого хрена я вообще так часто ее вспоминаю! У меня, в конце концов, жена имеется. Законная. Чтоб ей пусто было! И папаше ее! Пусть бы провалились со всеми своими бабками...

- Замуж не вышла, вроде бы. Просто родила себе ляльку. А, впрочем, сейчас молодежь часто живет, не расписываясь. Может, и она так.

- А что у нас с гримером? – пытаюсь переключиться я.

- Хреново у нас с гримером. Помнишь, когда снимали ролик для фирмы по производству украшений из янтаря, тетка работала с гримом? Вот она согласилась...

- Это такая злобная мегера, которая гримировала хуже, чем ты на работу красишься? – ужаснулся я. – Нет!

- Но, - Ядвига захлопала своими накладными ресницами. Ох, что ж вам, бабам, так натуральная красота надоела – ну, все, от уборщицы до моей помощницы с этими накладными! Хлопают ими, как крыльями бабочек, высасывающих глаза... Фу, блин! Ну и ассоциации...

- Я сказал, нет! Достань мне телефон Смирновой.

- В декрете же...

- Няньку наймет и выйдет, - вдруг созрела в моей голове замечательная идея.

- Ну-у, я принесу, конечно. Только сам звонить будешь. Маленький ребенок, это, знаешь ли, не игрушки! Его кормить нужно по времени, ему, в конце концов, мать нужна, а не нянька какая-нибудь!

- Ты телефон мне дай. А там я без твоих ценных советов как-нибудь...

Ох, как же вы мне все надоели! Еще и Пашка сценарий отказывается переделывать! А там, на минуточку, чуть ли не батальные сцены у него! Где столько людей для массовки брать, ума не приложу!

2 глава

Ангелина

Сегодня Алёнке исполняется полгода! В честь такого огромного юбилея приедут гости – бабушка с дедушкой, Марина, крестная дочки, с Алешкой, соседка придет с мужем. Вчера весь вечер я старалась – делала заготовки всякие, в квартире убиралась. Неделю уже продукты покупаю, но вдруг оказалось, что куплено далеко не все – давно мы не отмечали праздников...

Уложив Алёнку спать в обед, я попросила соседку из пятой квартиры – тётю Лиду - посмотреть за ней, а сама побежала в ближайший супермаркет докупить забытое. И когда летала там, между стеллажами с продуктами, неожиданно увидела издалека, в отделе со спиртным знакомую мужскую фигуру.

И я честно хотела уйти! Но не смогла. Ноги сами вели ближе, ближе... Не заметив брошенную кем-то прямо на проходе тележку с продуктами, бедром ударилась об ее угол. Вскрикнула от боли, на мгновение отведя глаза от его спины... А когда подняла взгляд снова, он развернулся в мою сторону. И это был совершенно другой мужчина. Разве что ростом и фигурой похожий на Потемкина. Галлюцинации?

Медленно плелась домой, растеряв напрочь праздничное настроение и желание видеть кого-либо. Дыши, дурочка! Забудь его и дыши! А без него разве можно дышать? А без него разве можно жить? А какие у тебя варианты? Твоя малышка, его дочка, хочет есть, играть, смеяться... И никто, кроме тебя, не даст ей всего, что нужно детям от матери. Он и не знает... Он и не вспомнил... Он и не вспомнит никогда!

С трудом достаю из кармана куртки – руки-то заняты пакетами – зазвонивший неожиданно телефон. Номер незнаком. Обычно я не беру, но сейчас в таком раздрае нахожусь, зачем-то принимаю вызов...

...- Алло, Ангелина Смирнова? – ЕГО голос в трубке заставляет уронить на ногу пакет с продуктами.

- Ох...

- Это да или нет? – бархатный смех в телефоне.

- Скорее да, но я не уверена, - ляпаю откровенную глупость я.

- Ангел, я новое кино снимаю. Мне позарез нужен классный гример. Без тебя просто вешалка! Соглашайся! Обещаю, будет интересно...

Дыши, дурочка...

Богдан

Очень четко представляю себе ее лицо. Красивая девочка с зелеными глазищами. Без накладных ресниц. И, как это ни удивительно при ее профессии, совсем без грима... Представляю, как ее губы удивленно складываются буквой «о», когда она слышит мой голос. Ну да, я сам-то от себя не ожидал такого.

- Ангел, я новое кино снимаю. Мне позарез нужен классный гример. Без тебя просто вешалка! Соглашайся! Обещаю, будет интересно...

- Я не могу, - говорит как-то неуверенно. И я эту неуверенность слышу и понимаю.

- Стой-стой, - перебиваю ее, потому что отлично знаю – женщин надо брать с наскока, уговаривать, пока не опомнились. Потому что, если дать время на размышления, надумают кучу причин, чтобы отказать. – Смотри! График у тебя будет скользкий – приехала, сделала всем красоту и свободна! Машину за тобой присылать буду. Ну, а в дни, когда привалит много работы, пусть отец с ребенком посидит. А ты заработать сможешь! Двойной оклад тебе гарантирую!

- Отец, говорите, Богдан Романович? Ну-ну, - мне отчего-то показалось, что в голосе девочки сквозит явная насмешка. Это она надо мной или над отцом ребенка сейчас посмеивается? Совсем он безрукий, что ли? Не справится с младенцем?

- Ну, отец, а что такого? Мы, мужчины, на многое способны ради своих женщин! И зря ты сомневаешься!

- А я и не сомневаюсь совсем, что на многое...

- Так что?

- Я подумаю.

- До сколько?

- В смысле, до сколько? Пару дней подумаю...

- Нет, милая моя, у тебя есть два часа на размышления. А, точнее, у тебя есть два часа для того, чтобы согласиться. Отказа я не приму. Семёнова тебе после обеда перезвонит.

- Богдан... Романович? - вдруг начала она после долгой паузы.

И я зачем-то вместе с нею выдохнул:

- Ангел?

- Что вы хотели сказать?

- Что ты...

Потом, уже положив трубку, я отчего-то долго пялился в окно своего кабинета без мыслей, без чувств... Хотя глупо врать. Чувства, они, конечно, были. И, поймав собственное отражение в зеркале, я их сумел понять. Я испытывал глубочайшую досаду от понимания того, что именно эта девушка никогда уже не станет моей... Потому что у неё ребёнок. Потому что у этого ребёнка есть отец. И неважно, муж он ей или нет.

Правда, пришедшая от директора будущей картины Ядвига своими ужасными новостями (других у нее в силу паникерского склада характера и не бывает!) вытеснила из моей головы разлагающие боевой настрой мысли. И мне стало чуть легче, но ненадолго...

Спустя две недели. Богдан

- Вероника, ну, что за глупости такие? Ну, ты реально веришь, что подобное возможно? Бред! Просто бред какой-то! Люди пропадают! Приведения в замке! А вообще, что за замок без приведений? Ну и хорошо, что они там есть! Нам веселее будет! А что там про новую актрису второго плана и Арзамасова говорят? Слышал сегодня, как обсуждали две... дамы в буфете, - каждый раз что-нибудь такое происходило во время съемок. Обязательно кто-нибудь с кем-нибудь переспит, обязательно это увидит кто-то третий. Был случай, когда прямо на съемках появилась жена звукорежиссера с фотками, на которых были компрометирующие моменты его взаимоотношений с одной из актрисул. Она поскандалила и запустила в воздух всю эту красоту. А съемки происходили в деревушке, на пленэре так сказать... Ветрено было в тот день. Так вот потом кто только не приносил мне эти фотографии - каждая из деревенских бабулек, продавщица из местного магазина и даже участковый - их далеко разнесло... Такие слухи ходили о том, что именно я снимаю!

- Да, что говорят... Как обычно. Каждая мало-мальски привлекательная девица обязательно проходит через руки и постель Арзамасова. Но, знаешь, Потемкин, эта Марианна... она мутная какая-то... Странная...

Вероника понизила голос и наклонилась ко мне. И я, движимый скорее любопытством, чем верой в её рассказ, наклонился в её сторону тоже. И хоть в глубине души немного посмеивался над глупостями, придуманными актрисой, приготовился слушать...

Неожиданный и резкий звонок телефона заставил нас дернуться и отскочить в разные стороны. Я засмеялся. Вероника, несмотря на то, что когда-то у нас с нею уже всё случилось, почему-то смутилась, как будто нас застали на горяченьком. Я потянулся за трубкой, она уткнулась в свой мобильный, и тема как-то забылась, стёрлась из головы.

...Дворец напоминал средневековые немецкие замки - острые шпили башен, серый камень стен, узкие бойницы, и при этом разбитый вокруг современный парк со множеством красивейших клумб, всевозможными причудливо постриженными деревьями, прудом, качелями и площадкой с какими-то статуями (до них мне пока не хватило времени дойти и рассмотреть, как следует). Чуть в отдалении от дома, если пройти самую густую и немного одичалую на вид часть парка, можно было выбраться к остатками крепостных стен, которые, в отличие от всего остального, были облагорожены мало и, похоже, избежали реконструкций. С одной стороны, это было плохо - подниматься на стену было опасно. Но с другой - какие же замечательные здесь были места для съёмок! Ну, и доказательства появлялись того, что замок, на самом деле, старинный.

Обычно, прибыв на место будущих съёмок, я находил, "своё" место. Оно не имело ничего общего с моей комнатой или той точкой, откуда я наблюдал за съёмками основных сцен. Где-то я облюбовывал себе беседку, где-то, как в последний раз в деревне, хозяйскую веранду с креслом-качалкой. Здесь я нашёл крутое место на стене. Небольшая круглая площадка, когда-то, скорее всего, предназначавшаяся для лучников, обороняющих замок - справа, если смотреть на дорогу, даже сохранилась часть окружающей эту площадку стены с двумя узкими окошечками.

Именно туда я отнёс два раскладных стула, небольшой походный столик и термос с кофе. И пока вся команда размещалась, доводя своими просьбами и вопросами до белого каления несчастную Ядвигу, я быстро разложил свои вещи в лучшей, мною самой выбранной, комнате и отправился "к себе" - завтра уже будем снимать, нужно было обдумать и прикинуть, как и с чего начать.

Стоянка с моего места просматривалась на раз. А вот меня было видно плохо. И я думал и наблюдал, как подъезжают "звезды" - Арзамасов, Вероника... основной мой продюсер - Герман... Новенькая Марианна...

К вечеру стало холодать - непривычно тёплый октябрь всё-таки иногда "вспоминал", что осень давно перевалила за середину. Закат яростно алел у самой кромки горизонта. Вокруг замка были сплошные луга и посадки - он находился на территории заповедника, поэтому распаханная территория не портила картинку.

Почему-то вяло подумалось, что до цивилизации очень далеко, и случись что-то из ряда вон - не дозвонишься ни за что! Телефон уныло показывал всего одну полосочку связи, да и то только здесь, наверху, в самом замке, вообще было глухо.

С высокого крыльца от самого замка уже покричал меня Герман - естественно намечалась пьянка. И мне, конечно, было нужно поприсутствовать - наша братия - народ суеверный, им традиции соблюдать просто жизненно необходимо, иначе распахнутся и работать будут плохо. Но что-то держало на месте, словно ожидание, предчувствие какое-то. И я ждал, игнорируя теперь уже Ядвигин громкий и требовательный зов.

Машины такси, направлявшуюся сюда, было видно издалека - дорога узкой лентой просматривалась до самого горизонта. Остановившись у самых ворот - остальные места были заняты - таксист неожиданно резво выскочил на улицу и бросился открывать двери. Что ж там за королева прибыла? Я с любопытством перегнулся через стену.

Ангел приехал... Узнал её сразу. Волосы эти не узнать просто невозможно! Длинные, волнистые, до талии почти доходящие. Личико сердечком, родинка над верхней губой.

Молодой водитель-кавказец, похоже, был сражён... И так настойчиво просил номер телефона, а она так смущённо отказывала, что хотелось крикнуть, чтобы отстал от девчонки, что замужем она! Но выдавать себя было никак нельзя - скажут ещё, что подглядываю. Только в какой-то момент он вдруг схватил её за руку! Она испуганно вскрикнула. И я не сдержался - подхватил из-под ног камешек, явно отслоившийся от древних стен, и этим раритетом засандалил в крышу машины. Испуганно огляделся по сторонам - хоть бы никто из моих не видел,

как Потемкин, "самый серьезный из молодых режиссеров", "потрясающий талант" и т.д. и т.п., творит подобные легкомысленные вещи!

Ангел, воспользовавшись секундным замешательством неожиданного ухажёра, выхватила из его рук свою сумку и рванула к замку, пока он разглядывал размер ущерба, причинённого мною "кормилице" и искал глазами того, кому громко грозился оторвать руки... Меня, то есть... Но не находил. Потому не находил, что я отодвинулся к другой стороне своей площадки и смотрел вслед девчонке. Просто оторваться не мог - пальто до колен облегалo тоненькую фигурку, а мощные ботинки, которые должны были бы изуродовать образ, сделать его более тяжеловесным, почему-то полностью уничтожались видом развевающихся на ветру волос. Она выглядела более взрослой... Не той девочкой, какой я ее запомнил... Она была ещё красивее, ещё неприступнее... Интересно, а мной восхищаться будет так же? Хотя... Теперь, наверное, восхищается отцом своего ребёнка...

3 глава

Ангел

Проклинала свои бесхребетность и глупость, ругала себя нехорошими словами, и... паковала вещи!

- Линочка, я с Алёнкой останусь с радостью настолько, насколько нужно, ты же знаешь, - мама похлопывала засыпающего на моей кровати ребенка по спинке ладошкой - и смотрела на меня таким ласковым, таким пытливым взглядом, что я не находила в себе сил соврать ей. - Но не понимаю, зачем тебе это нужно? Может, денег не хватает? Так, вроде бы...

Нет, денег мне хватало - родители помогали, что-то было отложено из декретных, а еще иногда я подрабатывала, делая знакомым профессиональный макияж на праздники. Врать не имело смысла, что еду из-за денег, тем более, что мама, конечно же, знала нелепую историю моей любви. Мы с ней дружили, доверяли друг другу. Да и когда я узнала, что беременна, а потом, что Потёмкин женился... Это был такой удар. Мне жить не хотелось. Мама выпытала у меня. Не ругала его, тем более не ругала меня, просто знала мою тайну и свято соблюдала правило - в моём присутствии тему Потёмкина не поднимать. И я была ей благодарна за это.

Соврать не смогла, поэтому сказала, как есть:

- ОН позвонил и попросил.

- Лина, - ахнула мама. - Ты что! Растрепожешь себе душу! Снова будешь рыдать по ночам в подушку!

Так и будет. Так уже есть. Достаточно было всего лишь его голос по телефону услышать. Но я не могла иначе. Я была ЕМУ нужна! Дура! Какая же я дура! Но сердце замирало от одной только мысли - я скоро смогу его увидеть! Просто увидеть. Большого мне и не нужно.

- Не буду, - соврала, не удержалась. - Съёмки продлятся всего три месяца. Меня каждый вечер водитель привозит домой будет. График скользящий. Ну, и двойной оклад. Заработаю нам с Алёнкой на поездку к морю...

Мама смотрела скептически - моё враньё, похоже, не производило на неё никакого впечатления.

- Ну-ну, - сказала она, когда я замолчала. - Ты, главное, не роди мне потом ещё одного внука. Я-то их буду любить, конечно, но, знаешь, дочка, отец тоже должен ответственность за детей нести, а не только ты одна! Ты поезжай! И расскажи ему... Я ни разу не сказала о Потемкине ничего плохого... Но сейчас скажу! Скажу! Хочешь, обижайся - хочешь, нет! Он мог бы просто поинтересоваться хоть раз, узнать у тебя, не имел ли последствий тот... акт любви, который у вас был!

- Мама! - возмутилась я. Но не нашла в себе сил рассказать ей о том, что Потёмкин... и не знал о том самом "акте любви"... Точнее, не знал, что он был именно со мной.

- Ладно-ладно, - мама подняла вверх руки, показывая, что сдаётся и больше не будет говорить на эту, болезненную для меня тему. - Ну, а этот красавчик из "Сказки о любви" не звонил больше?

Красавчик, частенько мелькающий на экране телевизора, самым фактом этим доводил мою маму до блаженного экстаза. Арзамасов звонил. Почти каждый день. И даже приезжал, хоть я и запрещала. И не сказать, чтобы Олег мне не нравился... Он был приятен в общении, привлекателен и очень заботился о своей внешности, ухаживал красиво, но... Во-первых, он смотрел на Алёну странно... Как если бы перед ним находился не ребенок, а таракан - брезгливо, с плохо скрываемой нелюбовью. А во-вторых, не лежало мое сердце к нему! Ну, не лежало и всё тут!

...Я, конечно, именно сегодня могла бы и не ехать в тот замок, где должны будут проходить съёмки. Но помнила о правилах, которые неукоснительно соблюдались в команде Богдана

- первый и последний вечер съёмок все обязательно проводили вместе. Команда должна увидеть и осознать друг друга... Или что там ещё у него были за идеи на этот счёт?

Но актёрские суеверия, конечно, были для меня всего лишь предлогом. Главную причину понять было легко - соскучилась до безумия, до дрожи увидеть его хотела. Дико боялась выдать свои чувства, но, как бабочка на огонь, всё равно летела к нему...

Места, в которых намечались съёмки, были просто потрясающими - красивейший замок стоял на холме, а с обеих сторон его окружала широкой полосой посадка. Сейчас, осенью, листья на деревьях горели таким буйством красок, что я не могла оторвать зачарованный взгляд от роши, тянувшейся на протяжении почти всего пути вдоль дороги.

Не сразу заметила, что водитель примерно так же, как я на природу и замок, любит в зеркало заднего вида на меня саму. В наступление парень пошел уже в пункте назначения, когда, опередив меня, выскочил, чтобы открыть дверь машины.

- Красавица, дай телефончик! Может быть, сходим куда-нибудь вместе? - он говорил практически без акцента, и был достаточно приятен внешне. И, по сути, никаких предубеждений по поводу его национальности у меня не было - человек и человек, какая разница? Только разве я сейчас могла хоть о чём-то думать, кроме скорой встречи с Потёмкиным?

- Ну, я даже не знаю, - с ходу не получалось сочинить необидную и честную причину отказа.

- Телефон просто! Это же тебя ни к чему не обяжет! Не захочешь - не пойдешь!

- Но...

Я бы уже ушла, наскоро буркнув что-нибудь ему в ответ, да только он вдруг схватил за руку! И это, конечно, уже была наглость, но решиться на грубость у меня всё никак не получалось.

Упавший откуда-то сверху на крышу машине камешек привёл парня в благоговейный ужас - он даже мою сумку уронил на землю. Подхватив её, я быстренько понеслась к замку, слыша за спиной причитания по поводу "разбитой машины". Откуда камень был? Замок, что ли, от старости рассыпается?

- Линочка! - из толпы народа, шумящей, снующей туда-сюда по огромному холлу замка вдруг вынырнула Вера, наш костюмер, а вслед за ней - Петька, бутафор, как обычно весь взъерошенный и одетый в один из своих любимых безразмерных худи. Ребята окружили меня с двух сторон, стали крутить, как куклу, и обсуждать между собой, как если бы я здесь и не присутствовала вовсе. - Петька, скажи, она ещё красивее стала или мне только кажется?

- Я думал, Верунчик, она хоть поправится после родов, а нет! Всё такая же стройняшка! Ну, разве что... Хм... Нет, все-таки в некоторых местах она немного увеличилась - точно тебе говорю!

Я поймала его молниеносный взгляд, направленный в район моей тщательно задрапированной плотной блузочкой груди (так старалась прикрыть, а, похоже, не вышло!).

- Петь, а Петь, а ты куда это сейчас смотрел? - не предвещающим ничего хорошего тоном очень тихо и очень грозно произнесла Вера.

- Так! Ребята! Давайте вы мне покажете сначала, куда сумку кинуть, а то я в этом хаосе Ядвигу не найду никогда, а потом будете выяснять отношения!

Петька подхватил мою сумку, а мы с Верой, обнявшись, побежали вверх по лестнице, где нам была выделена, как обычно, общая комната.

Богдан

- Ну, что, коллеги, друзья и, смею надеяться, профессионалы своего дела, многих из вас я знаю давно, с кем-то познакомился вот буквально несколько часов назад, но верю, что сработаемся и сделаем дело на все сто, так, как нужно, и, что немаловажно, именно так, как хочу я!

Я произнес тост, подняв вверх предусмотрительно наполненный минералкой и украдкой переданный мне Ядвигой бокал, и, едва пригубив, поставил его на стол обратно - хотелось зав-

тра, вопреки всем собственным традициям, начать рабочий день со свежими мыслями и здоровой головой. И вообще, я собирался идти спать - пусть хоть до утра гудят, потом, на съемках, спрошу со всех вместе и с каждого по-отдельности, смогут ли выкладываться и работать или страдать будут от похмелья. Меня пытались уговорить остаться праздновать вместе со всеми, но настроения пить не было. Вообще, ни для чего не было настроения почему-то...

Уже у лестницы наверх, когда положил руку на перила, ладонь внезапно обхватили женские пальцы. Я сначала почему-то уставился на аккуратный маникюр с замысловатыми узорами и только потом поднял взгляд в лицо.

- Богдан... Романович, а давайте пообщаемся? - новенькая актриса... как её там... Марианна... соблазнительно улыбалась, бросая томные взгляды из-под ресниц. Сколько же подобных подкатов было в моей жизни! Не сосчитать просто! Хотелось тяжело вздохнуть, показав тем самым свое отношение к происходящему, но я сдержался.

- Марианна, совет сейчас дам. И лучше до утра им воспользоваться, - наклонившись, прошептал ей на ухо.

Она нагло потерлась бедром о мою ногу, - совсем стыда нет, хоть бы постеснялась... Хотя, о чем это я? Сам такой... Был недавно... И почему меня сейчас напрягает ее поведение?

- Я слушаю, - промурлыкала она.

- Лак сотри с ногтей - у нас историческая картина будет. В 18 веке бабы такое на своих руках не носили.

Уже поднявшись наверх, я вдруг подумал - чего это меня вдруг понесло? Чего вызверился на актрисульке этой - ну, они же практически все с режиссёром переспать мечтают! И раньше меня это очень даже устраивало. Старею, что ли...

- Не забывай, Потемкин, ты ж у нас женатый человек, - шепотом скомандовал себе и пошёл в свою комнату.

И спать бы, наверное, лёг вовремя, если бы не услышал доносящиеся из-за приоткрытой двери в одну из соседних с моей комнат, голоса:

- Линочка, ну, расскажи, кто он? Кто отец твоей мелкой? - спрашивал Петька-бутафор - любимчик всех девчонок-техников из моей команды, лет уже десять работавший со мной.

И мне тоже стало интересно - кто покорило сердце Ангела. Кто этот счастливчик? И я, не отдавая себе отчёта, остановился у двери и практически прислонился к ней ухом.

- Петь, Вер, я не могу вам сказать... - начала девчонка, но вдруг на неё зашикали, зашептали что-то, и я успел догадаться, что пора валить, но среагировать не успел. Дверь в комнату распахнулась, и я предстал перед честной компанией в довольно неприглядном виде - стоящий, чуть наклонившись к двери, явно и откровенно подслушивающий...

- Богдан Романович! - в один голос изумлённо закричали Вера и Петька, а Ангел побледнела и почему-то закашлялась, словно увидела призрака. Вроде бы ничего же такого не говорили - гадостей обо мне так точно! Чего она так перепугалась? Если бы не сидела, явно упала бы в обморок!

- Ну, я. И чего орете? - сказал, как можно спокойнее, стараясь экстренно придумать какое-то логичное объяснение своему странному поведению. Но, как назло, ничего в голову не приходило. И тогда я сделал единственное возможное - сказал правду. - Ну, подслушивал. Признаю. Может, мне тоже интересно узнать интимные подробности из жизни ангелов?

- Шутите, Богдан Романович? - рассмеялась Верочка, с интересом посматривая в сторону белокурой Смирновой.

- Шучу, конечно, Верочка, - соврал я. - Я чего хотел, собственно...

В голове щелкнуло, и я вдруг придумал замечательную причину пообщаться с девчонкой наедине. Правда, зачем мне это нужно на самом деле, без вранья, придумать не успел - губы уже произносили:

- Поговорить с тобой, Лина, нужно... Наедине.

Еще один испуганный взгляд, брошенный ею на меня, дал понять, что Линочка отчего-то меня боится, хотя ведь в ее сторону я никогда не зверствовал... Ну, почти никогда...

- Ну, давайте, мы выйдем? - предложил Петька.

- Да, зачем? Ангел, давай, поднимайся! Карабас-Барабас отведет тебя в свою каморку для серьезного разговора.

4 глава

Ангел

Конечно, я отлично понимала, что Потемкину нужно обсудить наши договоренности по работе. Ну, наверное... И пусть мы уже обо всем договорились с Ядвигой и главбухшей, пусть неделю назад мне уже отзвонила наша заведующая кадрами, и я подписала еще позавчера все необходимые бумажки. Просто наш режиссер хотел держать руку на пульсе. Он всегда так делал... правда, что касалось техников, тут он не лез обычно... Но, кто его знает, что могло измениться с последних съемок?

Шла следом на ватных ногах. Голова отчаянно кружилась, а сердце отбойным молотком лупило в груди. О чем сейчас со мной говорить можно? Я же не помню, как меня зовут! Да что там! Я не помню даже, как его зовут!!! Увидела и потеряла способность мыслить здраво!

Шла за ним в режиссерскую комнату и пялилась в его спину. Высокий, широкоплечий, свежесбритый и явно недавно постриженный. Ухоженный... Жена, наверное, старается - одежда с иголочки... Ах, как же об этом больно думать! Но, в то же время, выбросить из головы эти мысли не получалось никак, и я, как будто иголкой в ране ковырялась, - все думала и думала об этом, вспоминая фотографии с их свадьбы, увиденные мною в соцсетях.

Когда он резко остановился у двери в свою комнату и схватился за ручку, я по инерции, занятая мыслями, сделала еще один шаг. Явно лишний. Чтобы не врезаться в его плечо лицом, выставила руку и уперлась ему ею в бок.

- Ты чего, Ангел? Соскучилась? Предлагаешь, поприветствовать друг друга поцелуем?
- пошутил он.

Как же мне нравился его веселый, общительный характер! Да, во время работы он был строгим и требовательным, мог отчитать и разозлиться. Но в остальное время Потемкин был лишен напрочь звездности, присущей людям его профессии и уровня его известности. Простой, открытый, одинаково расположенный ко всем - от продюсеров до уборщицы. Всех знающий лично и по именам. Душа компании... И мне тогда, на прошлых съемках, даже казалось... недолго, правда, но казалось, что я ему нравлюсь! Как же я была счастлива! Какие же себе напридумывала варианты нашего возможного совместного счастья! Дурочка...

- Приветствуйте поцелуями свою жену, - неожиданно для себя высказалась я.

Его глаза на мгновение округлились от удивления, но потом Потемкин взял себя в руки и пропустил меня в комнату.

Однажды я уже бывала в его комнате. Да, в совершенно другой, и даже в другом конце страны. Полтора года назад. И тогда, и теперь, поразила идеальную организацию на столе, где уже были разложены и расставлены документы, канцелярия и всевозможные нужные вещи нынешнего хозяина помещения. Никаких тебе неразобранных сумок и чемоданов. Я была уверена, что все его вещи уже развешены на тремпелях или сложены по полочкам огромного, в потолок, деревянного шкафа. Мой взгляд зачарованно скользнул по кровати... И в голове даже успела мелькнуть картинка, показывающая, как Потемкин лежит вот здесь на покрывале...

- Так что там, Ангелина Смирнова, с поцелуями? Продолжим тему или поговорим о том, для чего я тебя сюда пригласил?

Мне хотелось от стыда провалиться под землю! Хотя... Если так подумать, разве он виноват в моих на него обидах? Я сама к нему тогда ночью пришла! Он был пьян и, несмотря на то, что почему-то называл меня моим же именем, вполне мог не узнать и не запомнить, что именно тогда между нами произошло! На следующий день-то он вел себя так, как будто ничего и не случилось! Более того, отстранился от меня, избегал, и даже, как мне тогда показалось, смотреть в мою сторону не желал! И я уехала... А потом, когда узнала, что беременна... Я сама виновата, что не сообщила ему о ребенке! Я собиралась! Но как могла сообщить, если в тот

момент, когда узнала об этом сама, в интернете наткнулась на статью о предстоящей свадьбе Потемкина!

- О том, для чего пригласили, - буркнула ему в ответ, не имея сил поднять взгляд с пола.

- Ты присаживайся, - он махнул рукой на одно из небольших кресел, стоящих у письменного стола. - Я сейчас.

Стараясь не смотреть в его сторону, и не ловить взглядом каждое движение, я заставила себя уставиться на бумаги, разложенные на столе. Не подумав совершенно, что это может быть неприлично! К счастью, сверху на нескольких разноцветных папках, лежал сценарий, которого я пока еще не видела! И я честно пыталась читать то, что там написано, только буквы в слова складываться отказывались совершенно и, как живые, расплывались и прыгали по странице! А глаза настырно косили туда, в сторону шкафа, где Потемкин снимал и вешал пальто.

Как же мне хотелось подойти и обнять его сзади, щекой упереться в плечо. Я отчётливо представляла себе, как он замрет от неожиданности сначала, а потом... А потом!

Но додумать мои невероятные фантазии не позволил его голос:

- Я что, собственно, хотел, Ангелина. Обрати внимание на их руки, когда будешь гримировать. Там повально яркий маникюр. А должны быть коротко стриженные и естественного цвета.

Он прошел и сел в соседнее кресло.

- Мне... - начала я неожиданно хриплым голосом, откашлялась смущённо и, наконец, сумела выдавить из себя. - Ядвига дала уже все инструкции позавчера, когда я приезжала документы подписывать в офис. Всё сделаю. Я поняла.

- Она рассказала, как тебя будут домой отправлять?

- Да. На вашей машине. Ваш водитель. Как загримирую, так и уезжаю, если не нужно будет грим переделывать для тех же актёров...

Я замолчала, поймав странный взгляд, направленный на себя саму. Потемкин разглядывал меня так, словно видел впервые. А когда его глаза поднялись на уровень моих, и наши взгляды встретились... Сердце пропустило удар! Мне было просто невыносимо сидеть рядом с ним... Меня так колбасило от его присутствия в метре, что зубы начали ощутимо выбивать дрожь! И дико захотелось расплакаться... Смотреть на него хотелось... Красивый... Глаза темно-синие... Ресницы чёрные изгибаются к бровям. На щеке ямочка... Улыбается! Чему он улыбается вообще? А чего ему не улыбаться? У него же всё отлично - жена, работа, фильм вот, а он здесь главный... Это ты - никому ненужная женщина, в одиночку растящая ребёнка... Никому ненужного тоже...

- Эй, Ангел, ты чего? - вдруг взвился с места он. И я не успела понять, как получается вдруг так, что я стою возле кресла и прижимаюсь к его груди, а он ласково гладит по спине руками... А я рыдаю и не могу остановиться, не понимая совершенно, отчего со мной такое творится - от горя, что у нас с ним ничегошеньки быть не может или от счастья, что несмотря ни на что, он вот, рядом, и я могу слышать прижатым к его груди ухом, как стучит его сердце...

Богдан

- Не надо... Глупая-глупая девочка, - зачем-то шепчу в её кудрявые волосы, в каком-то необъяснимом восторге, реально пьянея от её тонкого свежего запаха. Хочется сказать, что глупая она потому, что замуж выскочила и не дождалась меня, но я такое никак не могу... Да и сам не понимаю, с чего вдруг такие слова вообще в моём мозгу появляются! Говорю другое. - Разве Ангелы плачут? Что у тебя там случилось? Рассказывай! Мы всё решим. Всё продумаем. И всё снова станет супер!

Она пожимает плечами, но, странное дело, не вырывается из моих рук. А мне уже надо, чтобы вырывалась! Потому что разум говорит, что у неё есть муж и ребёнок, а телу абсолютно безразлично это всё! И если она ещё хотя бы пару минут подышит вот так же горячо и влажно в кромку свитера над ключицей, организм мой вспомнит ещё и о том, что женщину я в объёме

тиях не держал уже очень давно... А такую, так вообще, не держал полжизни... Какая же она тоненькая, хрупкая... И как оглушающе правильно прижимать её к себе...

Бред какой-то! Вот всё, что в моей голове сейчас формируется в мысли - бред полный!

Отстраняется, смущённо отводя глаза. Мне тоже стрёмно - чего я полез с объятиями? Ну, плачет женщина! Но ведь чужая женщина же! С какого перепуга я её вообще трогаю?

- Простите, Богдан Романо...

- Извини, Ангелина...

Говорим одновременно. А я прямо-таки физически ощущаю, как приятное ощущение в груди тает, оставляя разочарование и горечь.

- Так что у тебя случилось? С ребёнком что-то?

- Нет. Просто мы с дочкой никогда ещё не расставались больше чем на пару часов. Грустно без неё. Волнуюсь...

- Она с кем? - и, не удержавшись, тут же добавляю. - С отцом?

И мне ревниво. Глупо, конечно, но мне хочется, чтобы красавица-Линочка МНОЮ восхищалась - чтобы, как на прошлых съёмках, я то и дело ловил её взгляд, сидя в своём режиссёрском кресле и отдавая команды в громкоговоритель! Мною, а не каким-то непредставляемым, но однозначно не понравившемся бы мне, мужиком!

- Она с моей мамой... Но, вы простите, я не знаю, почему я так глупо сегодня себя веду! Всё в порядке, правда! Мне просто нужно было, как и предлагала Ядвига, завтра рано утром приехать. Но традиция же... Не хотела вас подвести.

- С некоторых пор, Ангел, я не очень-то верю в традиции. Так что завтра, как только освобождаешься, едешь домой и говоришь Сергею, водителю, во сколько тебя забирать. Поняла? Всё... Иди спать... А постой...

Уже сделав шаг к двери, она обернулась. Заплаканная. Тушь потекла под правым глазом. Носик покраснел. Странно, но ещё красивее так стала... Забыл, что сказать хотел. Мысленно дал себе затрепину и отвернулся к столу, чтобы не видеть...

- Нет, ничего. Иди...

...Уснуть не получалось. Внизу гудели ребята. В прошлый раз перед съёмками я гудел вместе с ними. И мне было классно. А сейчас я, как последний старпер, пытался уснуть в двенадцать часов ночи, отчего-то не имея ни желания, ни сил гулять со своей командой. Я вообще не понимал, чего я хочу! Ну, фильм там снять, чтобы он зрителю понравился, чтобы сборы кассовые были большими... Да, это всё хотел, но как-то не остро, не жизненно хотел, а по привычке, по необходимости. Так, как "хотел" новый костюм или вкусный кусок мяса на ужин. Еще пару лет назад без успеха в своем деле я бы загнулся, а сегодня... Депрессия у меня, что ли? Или это чисто бабская болезнь?

Ну, вот если представить, что бы меня сейчас порадовало. Не просто порадовало, а завело до искр из глаз. Женщина? Хм... Сразу вспоминалась собственная жена. С издевкой подумал: "Мужчина?" Рассмеялся. В тишине комнаты это прозвучало глупо, но порадовал сам факт - раз смеяться могу, значит, не все еще потеряно и депрессия пока не накрыла до предела!

А может, выйти и подхватить какую-нибудь девицу, чтобы скрасила мою бессонную ночь? Марианна точно будет рада... Но Марианну не хотелось. Хотя она и была вполне себе симпатичной. А хотелось совсем другую девушку. И это было очень плохо. Ну, а что хорошего в том, чтобы интересоваться чужой женщиной? Смысл в этом какой? Саморазрушение одно...

Ой, Потёмкин! Ты ж полтора года почти не вспоминал о Смирновой! Ну, жил же как-то! Так какого хрена накрыло вдруг вот это гадкое, разъедающее мозг чувство? Как будто щемит где-то за грудиной в том месте, где у нормальных людей сердце находится, а у меня... У меня-то что там?

Не заметил, как вырубился на смятой от моих верчений кровати. А проснулся от дикого воя за окном. Подхватился на ноги, слетая с постели. Что за фигня? Некоторое время было тихо. А потом ЭТО снова завывло! И мороз на собственной коже я чувствовал очень реально!

Выглянул в окно, но никаких животных, во всяком случае, в освещаемом фонарями пространстве, видно не было. Прислушавшись, понял, что гулянка внизу закончилась. Выйти и посмотреть, что там за волк такой появился? Да ну, зачем мне это надо вообще? Завтра у всезнающей Ядвиги спрошу, кто из наших додумался на съёмки псину притащить... Или это местное зверье промышляет...

Укладываясь обратно в постель, думал, что не смогу заснуть снова, но отрубился моментально. И снилось мне, будто огромная чёрная собака гонится по парку за каким-то мужиком. Они петляли между статуями, на которые взглянуть я так и не нашёл времени, и она всё настигала-настигала, а настигнуть никак не могла. А я смотрел на это всё откуда-то сверху и почему-то смеялся... Хотя, понятно же почему - не меня же гнала собака, а какого-то другого, мне незнакомого, мужика...

5 глава

Богдан

- Слушай, Смирнова! - говорю в громкоговоритель, жестом заставив замолчать Веронику, дико ругающуюся из-за платья, оказавшегося на пару размеров меньше, чем было нужно, и, похоже, жмущего ей во всех причинных местах. - Ты какого хрена пудры на них столько накладываешь? 19 век! Мать твою! Никакого, блин, соображения! Подойди сюда, гример, елки-палки!

- Богдан... - начинает свою неспетую песню Вероника, но я одариваю ее таким злым взглядом, что она неожиданно, похоже, даже для себя добавляет. - Романович... Платье жмет! Я дышать не могу совсем!

- А ты, Белевская! Не дыши! Зачем тебе это? Ты работай! Давай! С твоего выхода начнем! Выходишь, ищешь своего доктора! Доктор на исходную! Сейчас два слова гримеру скажу, и начинаем!

Жду. Вижу, как она идет в мою сторону. Нарочно прошу Ядвигу сгонять за кофе. Ну, как-то нет у меня желания после вчерашних наших объятий отчитывать ее при посторонних, даже при Ядвиге, которой доверяю, как себе самому. И почему-то, делая вид, что изучаю сценарий, я краем глаза неотрывно слежу за каждым ее шагом! Волосы высоко подняты и завязаны в гульку. Волнистые прядки свисают по обе стороны от лица. В джинсах и коротенькой курточке она такая... девочка-девочка... Не скажешь никогда, что замужем и ребенка воспитывает.

Потемкин! Обрываю свои идиотские неуместные мысли. В сценарий смотри! И внимательно смотри, идиот!

- Та-а-ак! "Выпили ли вы порошки, госпожа?" Порошки-порошки... Порошки! Ершов! - фамилию бутафора говорю в громкоговоритель ровно в тот момент, когда Смирнова подходит и начинает что-то там лепетать. Вижу, как недовольно поджимаются ее пухленькие губки. Игнорирую. Довожу до кондиции. - Петька! Порошки где? Доктор в беседке лечит Розалию! Так? Так! Чем он ее лечит, мать вашу! Молитвами? А должен порошками! Где порошки! Сейчас четвертовать буду! И начну с тебя, Ершов! А закончу... А закончу...

Опускаю громкоговоритель и произношу, повернувшись к Ангелу:

- А закончу Смирновой! На закуску сгодишься, глупый Ангел!

- Вы, Богдан Романович, кроме сценария, что-нибудь о тех временах читали вообще? - сверкая зелеными глазами резко говорит она. - Конец 18-го века! Белилами они лица отбеливали! Причем еще и свинец добавляли в состав средства!

Ну, да, я особо-то не вникал именно в это! Хватило проблем с костюмами - полгода Вера забрасывала почту фотками с платьями и смешными нарядами для мужчин. Чего только чулочки до бедер стоят!

- Да, Марианна у тебя, как вампирша после охоты, выглядит! Губы красные, морда белая, на щеках неестественный румянец! Ты совсем обалдела? - продолжаю настаивать на своем.

- Я вам сейчас книжку принесу... А хотя, нет! Не принесу! Я сейчас заканчиваю и уезжаю с вашим водителем домой! А книжка мне самой пригодится - чуть-чуть не дочитала! В интернете наберите, как женщины выглядели в те времена, как красились! Сами не знаете, а устраиваете мне тут!

Ах, ты мелкая зараза! Ты еще спорить со мною будешь! Поднимаю громкоговоритель и говорю в него, глядя в красивые и очень злые зеленые глаза:

- Ты мне, Смирнова, не наглей! Соблюдай субординацию, Смирнова! А то ведь я злой сегодня, - опускаю громкоговоритель и говорю, наклонившись к ней так близко, что самого торкает от запаха ее духов, тут же наполнившего мое личное пространство. - Покусать могу!

И почему-то дух захватывает от того, как у нее от лица отливает кровь, от того, как она бледнеет и вдруг быстро облизывает язычком свои розовые губки. Ох, Смирнова! Что ж ты делаешь, зараза! Это мимолетное движение буквально вышибает из моих легких воздух!

Я прямо-таки жду от нее отпора, хочу посмотреть на реакцию - напрочь забываю, что актеры на позициях, что камеры снимают, что звукооператоры замерли на своих местах, а им тоже нелегко - попробуй, поддержи микрофоны в одном положении пару-тройку часов!

А она вдруг обхватывает своей ладошкой громкоговоритель... точнее, она обхватывает ладонью, своими горячими пальчиками мою руку, подносит к губам... так близко, что мне кажется, даже касается легонько губами того места на пластмассовом кружочке, опоясывающем трубку, куда обычно говорю только я, и произносит:

- Прежде чем публично устраивать порку мне, Богдан Романович, вы бы лучше историю моды изучили.

И, развернувшись, быстро удаляется в сторону своей мини-студии для грима на открытом воздухе. Ядвига с чашкой кофе в руках удивленно смотрит в мою сторону, остановившись в паре метров от режиссерской базы. А меня не покидает мысль, что я позвал сюда Ангела совсем не для того, чтобы отругать... Совершенно не для того... А для чего?

Что я там делать собирался?

- Кофе давай! - рявкаю в свой рупор и добавляю, развернувшись в сторону выхода из замка, где должна начаться следующая сцена. - Поехали! Начинаем, господа... и дамы!

Ангел

Он неправ. Я права, а он неправ! При всех отчитал, как девчонку! А я... А я три недели готовилась! Все, что могла найти, прочла! Да я столько знала о моде и внешнем виде наших предков, живших в 18 и 19 веках, что Потемкину и не снилось!

Догримировала всех оставшихся и, уже сидя в машине, продолжала ругать его на чем свет стоит! Обижалась, и при этом уезжать не хотелось... Хотелось остаться. Потому что с любой точки моей импровизированной гримерки на открытом воздухе был хорошо виден режиссерский "командный пункт" И я смотрела-смотрела-смотрела! Я следила за ним - за каждым движением, за мимикой, за жестами, за тем, как длинные пальцы постукивают по колену, когда он смотрит на игру актеров. Мое все еще безумно влюбленное сердце трепыхалось в груди, как пойманная в силки птица. Ах, какой же он красивый! Как всё в нем гармонично - даже кепка, на глаза надвинутая, козырьком закрывающая половину лица, и то смотрится, как часть образа, как нечто ему одному присущее, к нему относящееся!

Как же трудно быть рядом и не иметь возможности стать близкой, необходимой, имеющей право касаться, вторгаться в его личное пространство! Но я не могла себя заставить жалеть о том, что согласилась работать! Ни при каких обстоятельствах! Наоборот, уезжать не хотелось! И как бы я ни ругала себя за то, что не стремлюсь к дочке, сердце разрывалось на части от двух абсолютно противоположных и не совместимых желаний - быть со своим ребенком и одновременно быть с его отцом!

- Линочка, - поймала в зеркале заднего вида взгляд водителя Сергея. - Почему покидаете нас? Не понравилось ночевать в замке?

- Да нет, понравилось. Просто дома дочка ждет...

- Понравилось? Я думал, все женщины напуганы тем, что ночью случилось!

- А что случилось? Я ничего не знаю! - пыталась вспомнить, были ли какие-то крики или шум снизу, может, драка какая-то там, где основная часть команды отмечала начало съемок, но не могла - крепко спала и ничего совершенно не слышала! А Верочка и Пашка утром ушли раньше меня и за утренним кофе были так увлечены друг другом и своими в очередной раз вспыхнувшими чувствами, что особо-то со мною и не разговаривали.

- Да там какая-то зверюга полночи под окнами выла и, - он понизил голос, а потом насмешливо скользнул взглядом по мне. - Даже, кажется, кого-то покусала...

Мне подумалось, что мужчина надо мною шутит, и даже стало обидно на мгновение - я что, разве повод давала для этого? Чтобы надо мною издеваться, прикалываться? Вот еще! Но эти мысли мгновенно вылетели из головы в тот момент, когда раздался какой-то странный звук и машину вдруг бросило в бок! Сергей дернулся на своем месте, вцепляясь в руль, и сдавленно чертыхнулся. Но выправить движение не мог! Нас заносило теперь на встречную полосу! Я вцепилась в переднее кресло, ощущая, как дикий ужас охватывает все тело!

А потом всё замелькало так быстро, что я не успевала понимать даже, что происходит. Машина понеслась в кювет, пролетев, казалось, несколько метров над землёй с асфальта, и заставив меня больно удариться головой о крышу, а потом уткнулась передней частью в дерево. А я - всем телом в переднее пассажирское сиденье.

Магнитола, до этого игравшая какую-то незамысловатую мелодию, пару раз всхлипнув, замолчала. И несколько секунд было так тихо, что я даже подумала, будто умираю и поэтому просто уже лишилась слуха - вспомнилось, как читала где-то, что у человека при смерти постепенно по очереди отказывают все органы чувств. Но потом стало больно - болело плечо и лицо. Во рту был неприятный ржавый привкус - языком нащупала прокушенную щеку.

- Сергей! - позвала водителя, но он не ответил.

Почему-то вспомнилось, что во время аварии, особенно когда происходит сильный удар машины о что-либо, может случиться взрыв! Преодолевая сильную боль в плече, попыталась открыть смятую и, видимо, заевшую дверь.

Стон мужчины слышала, уже когда догадалась попробовать открыть дверцу с другой стороны. Она поддалась. Прижимая к себе правую ноющую и какую-то непослушную, словно чужую, руку, выбралась наружу.

Водительская дверь открылась не сразу, хотя внешне пострадала не так сильно, как та, которая с моей стороны. Но получилось. И, ломая ногти, одной рукой я стала пытаться отстегнуть его, с ужасом глядя на окровавленное лицо. То, что нижняя часть его тела сдавлена буквально скомканной машиной и вытащить Сергея будет не так уж просто, поняла не сразу.

Минут пятнадцать я безуспешно пыталась это сделать - тащила, тормошила, надеясь привести в себя, старалась отогнуть металлические детали, которыми были зажаты ноги и понять сначала не могла, откуда эти железные части в салоне взялись - впереди же всё пластмассой отделано! Потом только догадалась - это ж мотор и остальные механизмы!

Из-под капота шёл дым. Было настолько страшно, что взорвётся, что вот сейчас мы с Сергеем погибнем, что руки тряслись. В ушах пульсировала кровь - то ли от ужаса, то ли от удара. Наверное, именно поэтому я не слышала, как неподалёку от нас на дороге остановилась машина.

- Лина! - голос Потёмкина вышиб из меня всё силы. Богдан здесь! Нас спасли! Нас спасут! Сергея достанут!

Мои ноги подкосились от облегчения, конечно, а вовсе не от его близости, не потому, что Богдан зачем-то прижал меня к себе, ощупывая руками моё тело...

6 глава

- И она сказала, что никто без её разрешения живым из замка не уедет, - рассказывал Петька, пока Потёмкин помогал загружать в скорую уложенного на носилки Сергея.

- Так вы поехали, чтобы это проверить? Ей назло? - спрашиваю я.

- Мы поехали... Я не уверен, но, кажется, чтобы тебя спасти. Во всяком случае, Потёмкина тряхнуло не хило. Он прямо-таки весь белым, как полотно, стал! Бросил на землю свой громкоговоритель и побежал...

- Да как вы в такой бред вообще поверить могли? - непонимающе качаю головой.

- Ну, после того, что с тобой и Серегой случилось, я бы не стал это бредом называть. Актёры и, оказывается, режиссёры тоже, суеверная братия! Он как услышал проклятие Марианны, к машине рванул, а я рядом стоял - тоже запрыгнул.

Петька сумбурно рассказывал, что у Марианны, загримированной мною, вдруг началась сильнейшая аллергическая реакция - она прямо во время первого дубля мгновенно отекала и на глазах у всех раздулась. Потом начала задыхаться. Дежурившая на съёмках медсестра, уколола ей лекарство, и минут через десять актриса пришла в себя. Правда, устроила истерику и орала, что убьёт меня своими руками, что это я в свой грим ей что-то там добавила, что её все ненавидят, и за это она отомстит - проклиная всех, и каждый, кто попытается покинуть замок, погибнет!

- А я стоял неподалеку от места, где съёмки шли. Смотрю, такой, на Потёмкина, - склонившись к моему уху, продолжал Петька. - А он завис. Стоит и как будто не слышит и не видит ничего. Бледный, как смерть! Чего ему там привиделось, не знаю, но...

- Ангелина, - непривычно холодно зовёт Потёмкин. - Иди сюда, тебя доктор осмотрит. Иду, напоследок поймав странный взгляд Петьки.

Полная седая женщина - фельдшер в аккуратных, очень её украшающих очках, спокойно смотрит мне в глаза.

- Что-то беспокоит вас? - переводит взгляд на мою ноющую руку, которую я бережно, как ребёнка, прижимаю второй рукой к своему боку. - Рука?

- Да. Больно, - говорю ей, но зачем-то ловлю взгляд Потёмкина, который стоит рядом и внимательно вслушивается в наш разговор. Не знаю, чего я жду от него - сочувствия, жалости или мне просто хочется разглядеть в его глазах то, во что поверить невозможно, но после Петькиных слов, вдруг робкая надежда на реальность этого появилась и заставила в предчувствии замереть сердце! Вдруг он совсем чуточку равнодушен ко мне? Но в его глазах нельзя ничего прочесть, разве что обычный рядовой интерес к словам врача...

Фельдшер осторожно ощупывает руку, мнет возле плеча, задевая какое-то очень болезненное место. И я чувствую, как невольно кривятся мои губы, как рвётся изо рта стон. Но терплю - не могу при нём! Но не сдерживаюсь, когда доктор вдруг в какой-то момент резко дёргает за руку как-то вниз и одновременно в бок! Из глаз буквально сыпятся искры от дикой боли. Но... Пальцы начинают слушаться тут же, и движения, хоть и остаются болезненными, становятся вполне возможными!

- Вот! Вижу, легче стало? Выхих. Кость из сустава вышла. Теперь всё на месте. Боль через пару часов уйдёт. Ссадины обработаете в медпункте. Но, если хотите, можете с нами в больницу поехать. Вашего пострадавшего мы стабилизировали. У него несовместимых с жизнью ранений нет. Но ноги придётся оперировать скорее всего. Все, решайте! Нам пора!

Что делать? Мне домой нужно, вообще-то! Там Алёнка с мамой ждут!

- У нас медсестра своя есть. Она обработает девушку, - уверенно заявляет Потёмкин. Фельдшер кивает, быстро запрыгивает в машину, и скорая уезжает.

- Мне домой нужно! - разворачиваюсь к нему.

- Нет. Тебе нужно вернуться, - вдруг говорит он.

- В смысле? Мне же...

- Мы возвращаемся. Садись в машину.

- Вы мне обещали! Меня ребёнок ждёт! Мне нужно! И, вообще, не командуйте мною! - хотелось топнуть ногой и просто уйти - а что, отойду от них подальше и вызову такси!

- Я всё объясню. А сейчас... Просто поверь мне! Ты можешь мне поверить? Я уверен, что с тобой что-то случится, если не вернёшься в замок! Да, глупо звучит, но... Хочешь рискнуть своей жизнью?

И в его словах, а больше в выражении глаз, было что-то такое, что напугало меня до смерти и заставило понять - Богдан, действительно, верит в то, о чем говорит! И я пошла следом за ним к его машине и села в салон. Он закрыл за мной дверь, позвал Петьку, и мы поехали обратно в замок, оставив раскуроченную рабочую машину в одиночестве дожидаться приезда вызванного Потемкиным эвакуатора.

...Мы впятером сидим в комнате у Богдана. Веру привёл Петька, а Ядвигу позвал Потёмкин. Оба на сто процентов уверенно отзывались о своих визави. Мне же были безразличны все эти приготовления к "серьёзному разговору". Больше волновал тот факт, что маме дозвониться не получалось. Соседке, тёте Лиде, тоже... И вообще, телефон вёл себя как-то странно - вроде бы и горели одно-два деления связи, но они тут же исчезали, стоило только поднести трубку к уху!

...Отхожу к окну. Смотрю вниз. После нашего возвращения тут же пошёл дождь, небо заволочило низкими тяжёлыми тучами. Ясно, что это надолго.

Ядвига рассуждает о том, что пока погода не наладится, можно сцены в помещении отснять. Остальные молчат.

- Ядвига, - вдруг перебивает Потёмкин. - Полгода назад ты мне прислала на почту сценарий. Что-то там про актрису, которая мстила мужу и убивала всех направо и налево. Мистический, кстати, кажется... триллер. Так в жанре было заявлено. Я глазами пробежал. Не вчитывался. Времени не было. Но там был... Уверен... Там был точно такой же момент. Только водитель не выжил, а погиб в аварии. И съёмки, и косяк гримера, и аллергия, и проклятие... Где этот сценарий? Найди мне его!

И хоть я была поражена всем, что он сейчас говорил, но зацепилась только за "косяк гримера".

- Я не делала никаких косяков, - заявила обиженно, хоть и старалась говорить спокойно.

- Это неважно. Она так это расценила, - как неразумному ребёнку, стал высказывать Потемкин.

- Это полный бред! Вы что, верите в такое?

- Увидишь тот сценарий - сама поверишь! - кивает головой режиссёр.

- Знаешь, Богдан, я что-то не помню такого сценария. Ты ж в курсе, что я всё, что тебе отправляю, читаю сама. Не было его! Может, с чьей-то чужой почты, не с моей?

- А я когда её одевала, - вдруг задумчиво проговорила Вера. - Внимание обратила. У нее, у Марианны, все плечи в таких странных свежих шрамах, как будто... Круглых, как от ожогов, что ли... Она очень не хотела, чтобы я видела. Но в платьях же шнуровка сзади, и там самой не справиться.

- Это нам ничего не даёт, - вставил Петька. - Хотя, если вы, Богдан Романович, говорите, что она за что-то мстила... Может, он её избивал там, в том сценарии? А она озлобилась на весь мир? Или насильовал? Или...

- Петь, давай не будем предполагать! - меня сейчас абсолютно не волновали глупые актёрские суеверия, мне нужно было домой во что бы то ни стало! Волнение из-за ребёнка нарастало. Я уже придумала себе, как переживает там мама, ждущая меня после обеда. Дело шло к вечеру, а я всё ещё сидела в этом замке. Нервничала. Заламывая руки, подошла к окну. Смот-

рела в серое марево за ним. Странно как - только утром красиво здесь было, живописно, как в сказке, а сейчас, как будто в мрачном готическом хорроре. - Давайте решим, как мне добраться домой? Пожалуйста, Богдан Романович, помогите!

Ну, а к кому мне еще? У Петьки даже машины нет... Оборачиваюсь к ним от окна. Потемкин трет виски, растрепав волосы, Вера жметесь к Петьке, в очередной раз раскручивая спираль периодически затухающих любовных отношений. Петька задумчиво смотрит куда-то вдаль. А вот Ядвига... Я только и успеваю, что взглядом зацепиться за ее глаза. Не понимаю толком. Но что-то цепляет. Нет, даже не цепляет, а как будто разрядом тока от дверцы машины - прошивает коротко, но ощутимо. Она на Богдана с таким странным чувством смотрит... Но не успеваю понять, что именно есть в ее взгляде. Ну, не влюбленность же? Она значительно старше... Хотя, тут как посмотреть! Ну, десять-двенадцать лет, если мужчина старше, разницей ведь не считаются! Так, а почему тогда, наоборот, выглядит нелогично и странно? Может, он ей нравится?

Ой, Смирнова! Тебе, влюбленной дурочке, да на таком взводе, как сейчас, чудятся странные вещи! О чем только думаешь?

Смотрю на него. Стараюсь успокоить бешеное биение сердца - но оно только сильнее разгоняется в груди! Если бы сейчас взять и сказать ему, что там у меня, в маленькой, доставшейся от бабушки квартирке, маму ждёт не только моя, но и его дочка! Что он ответит? Как реагировать будет? Впрочем, что может ответить женатый, известный, небедный человек? Скажет, что я родила её специально, чтобы попытаться поиметь что-то с него! А сначала просто не поверит и заставит сделать экспертизу!

- Собирайся, Смирнова, - устало говорит он. - Поехали. А-то ты так смотришь на меня, как будто я, по меньшей мере, Господь Бог!

- Правда? Правда? - не могу поверить я. Это так неожиданно и приятно, что он готов мне помочь, что ему безразличны мои беды, что хочется закружиться от счастья по комнате.

- Может, не надо? - испуганно восклицает Верочка. - Вдруг это проклятие... Вдруг оно настоящее? Вдруг с вами что-то случится? Да и темнеет уже! Опять выть будет этот... кто там всю ночь под окнами орал!

- Ты тоже слышала? - Ядвига поднялась со своего кресла и шагнула к окну. - Я бы тоже не советовала ехать. Мало ли... Там среди команды слухи разные идут. Народ напуган. А когда народ напуган... Что случается?

- Что? - спросил Петька.

- Пьянка, конечно! Тем более если Богдан Романович уедет!

7 глава

- Вот куда ты, Смирнова, меня втравила? - насмешливый взгляд из-под кепки в мою сторону заставляет меня неудержимо краснеть, сжимаясь от смущения на переднем пассажирском сиденье.

К вечеру стала ныть ушибленная рука и ссадина на лбу как-то стягивала кожу. Но радость от предстоящей встречи с дочкой, а еще ЕГО неожиданная близость, ЕГО участие в моей жизни, всё это радовало, пьянило, как шампанское, ударяя в голову совершенно неприемлемыми и даже опасными мыслями и заставляло забыть о боли. Мне казалось, что Богдан заполняет собой все пространство в салоне, что я даже жар его рук чувствую, как тогда, полтора года назад в его комнате, в тот наш единственный раз...

- Я не втравила, - еле слышно прошептала я, в смущении закусывая губу.

Но он услышал:

- А вдруг проклятие - правда? Дождь еще этот... Дорога мокрая, скользкая. Ангел в машине....

- В смысле? - не понимала, куда он клонит.

- Отвлекает, - пояснил он.

Несколько минут я пыталась осознать, на что он намекает. И, вообще, намекает ли на что-то. Шутит, может быть, просто? Но отчего-то казалось, что сам воздух между нами стал другим - вязким, тягучим. И он с таким трудом втягивался мною в легкие, что я вынуждена была то и дело задерживать дыхание. От этого немного кружилась голова и сходило с ума в груди сердце. Потёмкин посматривал на меня, на самом деле отвлекаясь от дороги. А я нашла глазами его отражение в лобовом стекле и не сводила с него глаз.

- Богдан... Романович, вы на самом деле верите в то, что это проклятие существует? - спросила совсем не потому, что, действительно, хотела это знать, а просто, чтобы не молчать, чтобы как-то разбавить, разогнать собственное смущение, собственные одуряющие мысли.

- Я люблю все доказывать опытным путем... - сказал и рассмеялся, встретившись с моими испуганными глазами. - Да шучу я! Чего ты испугалась? Глупости, по-моему.

- А зачем вы тогда за нами поехали? За нами с Сергеем?

- Слушай, Ангел, давай мы тему сменим? Ну, зачем сейчас о плохом, а? Вернёмся обратно, тогда и обсудим?

Он был, конечно, прав. Потому что я отлично понимала, что неспроста он поехал. Значит, на самом деле, тогда поверил в то, что с нами... со мной что-то могло случиться! Получается... Получается, что, с одной стороны, дело плохо - ведь Потёмкин далеко не дурак, да и слабо верилось в его склонность к вере в мистику. А тут он вдруг верит! Но, с другой стороны, он беспокоился обо мне! А значит...

Додумать, что это значит, я не успела. Богдан глухо выругался и резко нажал на тормоз. Машину, как совсем недавно с Сергеем, стало заносить на мокрой дороге...

Автомобиль, развернувшись на проезжей части ровно на 180 градусов, остановился, направив свет фар туда, откуда мы только что уехали. Причину резкой остановки сейчас мне было хорошо видно - прямо на дороге стояла машина такси. Ни фары, ни аварийка у неё не работали. От неё к нам бежал водитель с предупреждающим о поломке треугольником и жилетами, ярко бликующими в свете фар. А на обочине рядом с машиной стояла... моя мама с Алёнкой на руках!

Бросив взгляд на Богдана, убедилась в том, что с ним всё в порядке - он, негромко ругаясь, выбирался из машины, я выскочила и бросилась к своим!

- Мама! Как вы здесь? Зачем? Что случилось? - на бегу кричала ей, уверенная, что с дочкой беда.

- Линочка! Доченька! - мама, обрадовавшись, бросилась навстречу, Алёнка тут же заревела, протягивая в мою сторону ручки.

Выхватила дочку, одетую в осенний комбинезон с шапочкой, съехавшей на один глаз. Прижала к себе, вспоминая всем телом, всей душой своей это потрясающее ощущение - обнимать своего ребёнка! Какое же счастье!

- Ангел, это твои? - раздалось за спиной.

А меня так эмоции переполняли, что хотелось хохотать и отвечать Потёмкину: "И твои! Совсем немного, пусть только физиологически, но и твои тоже!" Но я так не могла сказать, конечно.

- Мои! - повернулась с малышкой к нему. Понимала, что в свете фар он не сможет разглядеть ребёнка, но всё равно ловила его взгляд, брошенный на неё! И мне так щемяще горько становилось от этого взгляда! Но по-другому и быть не могло! Ну, никаких ведь у меня шансов не было... А вдруг могло? Вдруг... Но нет же! Он ни разу не дал понять, что я нравлюсь! Да, общались, да, гуляли в лесу по вечерам, да, порой чувствовала на себе заинтересованные взгляды... Но той ночью я пришла к нему сама! Он был пьян. А я... А я отлично знала, зачем шла! А теперь, после нашей встречи, спустя полтора года, я поняла, что он не помнит той ночи! А значит, в чем его вина? В том, что тогда называл меня по имени... И мне казалось... Неужели он настолько подлый, чтобы теперь притворяться, что не узнал меня тогда? Крепче прижимаю к себе дочку. - Мы, наверное, домой поедem.

- Нет, Ангел, боюсь, что такси сломалось. Сейчас помогу столкнуть на обочину, и будем возвращаться в замок.

И да, я еще пыталась убедить Потёмкина, что можно пересадить ничего не понимающую маму в его машину и увезти ко мне домой, но он и слышать ничего не желал. А согласилась с ним и сама пошла к машине, когда он произнес:

- А мы ведь почти в них врезались. У них электрику вырубил в тачке, водитель за треугольником полез в багажник. Ещё чуть-чуть бы, и все могли погибнуть. Хочешь рискнуть ребёнком?

Шла к машине, ошарашенная происходящим. Краем глаз видела, что мама с Богданом, негромко переговариваясь, забирали из салона сумку с вещами. И мне ещё предстояло выяснить, почему они ехали ко мне. Но одно я понимала точно, что мой ребёнок, почувствовав мамины руки, уже успокоился и спокойно заснул, уткнувшись носиком-кнопочкой в мою шею.

8 глава

Богдан

Ангел с ребёнком расположились на моей кровати. Я видел, как она раздевала малышку, положив её поперёк. Отвёл Елену Валерьевну в комнату к Вере. Попросил Ядвигу позаботиться об ужине для неё и для нас с Ангелом. Потом, уже дойдя до своей комнаты, вернулся и взял в кухне стакан молока, предварительно разогрев в микроволновке.

С детьми я как-то не очень... Нет, я, в принципе, ничего не имел против детей. Но не сталкивала жизнь. Так, издавека, в доме у школьного друга Ромки. А чтобы в одной комнате, да ещё и на ночь...

- Не стоило беспокоиться... Комнату нам отдали... - встречает меня у порога Ангел. - А сами как же?

- Ну, собственно, я не так уж и бескорыстен. Собирался на матрасе рядом с вами, - слежу за реакцией. И дело здесь не только в том, что я в плане сна не компанейский человек, - в общих комнатах, где, как минимум по четыре-пять человек, мне не хотелось бы ночевать. Дело в том, что после странного дня, я почти уверен в том, что здесь явно не все чисто. Мистика там, или просто "совпадения", подстроенные кем-то? Тут не понять пока. Но что-то явно есть... И если эти убийственные гадости, опасные гадости, направлены против этой девчонки, то я никак не мог её не защитить! У меня в комнате - единственное место, где более-менее безопасно, потому что дверь изнутри запирается, потому что никто посторонний ходить ночью не будет.. Ну, и я ещё есть...

- Молоко? - изумлённо глядя на меня, словно я ей вручаю ключи от машины, спрашивает она.

- Молоко-молоко, - киваю ей. - Или ребёнок не пьёт такое?

- Пьёт. В сумке бутылочка есть и смеси немножко мама прихватила. Аленка может заплакать ночью...

Вижу, что смущена, вижу, как ей неловко. Но отчего-то мне вкусно от этих эмоций. Кстати!

- Она спит же? Оставить ее ненадолго можно? Есть хочешь? Там Ядвига обещала разогреть что-нибудь. Пошли?

- Нет. Я не могу её одну здесь... - нерешительно мнётся.

- Я сюда принесу, - шепчу, и, не обращая внимания на возражения, ухожу на кухню.

Пытаюсь проанализировать, что чувствую сейчас. Я давно не чувствовал. Так, жил одинаково. Каждый день - копия предыдущего... Бежал куда-то, что-то снимал по мелочи, с кем-то разговаривал, кого-то прослушивал. И кому-то, кто не бывал в моей шкуре, могло бы показаться, что моя жизнь до предела наполнена событиями и, как следствие, эмоциями. Но это давно уже было не так...

Со стороны многим казалось (я отлично об этом знал), что мой дом - полная чаша, что я живу в достатке. И да, у меня многое было - дом, машина, деньги на счету, любимая работа... Жена... Но дома меня никто не ждал.

А сейчас, там, в комнате, ждали... Чужая женщина. Чужой ребенок. Но сейчас я был ответственен за них. И не только это... Где-то внутри незнакомо и тревожно что-то замирало, когда она смотрела на меня. И я переполнялся завистью и презрением к тому незнакомому мне мужику, который был ее мужем из-за того, что он мог ее касаться, из-за того, что они у него были, а он так легко отпустил... Я бы ни за что не отпустил такую девушку не пойми куда, не пойми с кем, чтобы ребенка бросила на бабушку. Если бы Ангел была моей... От этой мысли что-то болезненное, щемящее колело в сердце иголкой. И я снова повторял мысленно: "Если бы Ангел была моей"... Но додумать эту болезненно приятную мысль не успел. Из кухни,

огромной комнаты с новейшей техникой и состаренной, явно очень дорогущей мебелью, по мере моего приближения становились слышны голоса:

- Ты что делаешь, ненормальная? - это явно была Ядвига. И да, она по долгу службы вполне имела право кого-то отчитывать, но сейчас она говорила как-то растерянно, расстроено, словно бы и не отчитывала вовсе, а сочувствовала собеседнику. - Ты что здесь делать должна?

- Замолчи! Кто-то кажется...

Я понял, что моё приближение не осталось незамеченным и зашёл в кухню, делая вид, что ничего не слышал.

- О, Богдан Романович, - Ядвига, как ни в чем на бывало, говорила своим обычным спокойным тоном и улыбалась. И хоть её улыбка мне показалась натянутой и неискренней в свете всего услышанного, виду я не подал. Марианна, а именно она сидела за столом, обхватив ладонями чашку с чаем, мельком взглянула на меня и, кажется, склонилась ещё ниже над столом. - Всё готово, что вы просили.

Я не обратил внимания на протягиваемый Ядвигой мне поднос, а подошёл к актрисе.

- Марианна, скажи мне, что за бред ты несла сегодня на площадке? Напугала людей своими проклятиями! Ты понимаешь, что никто тебе зла не желал, а Смирнова не могла знать, что у тебя аллергия на белила или румяна, или что там ещё! Ты мне это вот всё прекращай, иначе я не посмотрю на договор, выгону тебя на хрен со съёмок! И нечего мне панику сеять! Поняла?

Она кивала, не поднимая на меня глаз. И мне казалось, что весь этот бред с проклятием и аварией - просто нелепое совпадение! Случайность и ничего больше! И чего все, и я сам, в том числе, так перепугались, когда она во время съёмок кричала и проклинала Смирнову? Ну я-то понятно, из-за сценария, но остальные?

Потом уже, когда шёл с подносом в комнату, вдруг подумал, что у Ядвиги и Марианны явно есть что-то общее, но моя помощница об этом тогда, когда мы разговаривали в комнате после аварии, ничего не сказала... И это было странно.

Когда я захожу в комнату, спиной открывая себе дверь, первое, что бросается в глаза, это - полусидящая на кровати, обложенная подушками девочка. То, что это именно девочка я понимаю по розовой кофточке и такой же резиночке, собирающей на макушке её коротенькие чёрные волосики в хвостик. Она с интересом рассматривает всё вокруг. И, встретившись с нею глазами, я почему-то замираю с подносом посередине комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.